2014 год

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
10 класс

Уважаемые участники олимпиады! Вам необходимо выполнить только ОДНО задание по Вашему выбору.

I. Задание. Прочитайте рассказ Кира Булычёва «Снегурочка» и напишите рецензию на это произведение (120 баллов).

Кир Булычёв

Снегурочка

Я всего раз видел, как погибает корабль. Другие ни разу не видели.

Это не страшно – ты даже не успеваешь мысленно перенестись туда и почувствовать себя участником. Мы смотрели с мостика, как они пытались опуститься на планету.

И казалось, что им это удается. Но скорость все-таки была слишком велика. Корабль коснулся дна пологой впадины и, вместо того чтобы замереть, продолжал двигаться, словно хотел зарыться в камень. Каменное ложе не поддалось металлу, и корабль стал расползаться, словно упавшая на стекло капля. Движение это замедлялось брызгами, лениво и беззвучно; какие-то части отделялись от массы корабля и черными точками взлетали над долиной, словно отыскивая удобные места для того, чтобы улечься и замереть. А потом это бесконечное движение, продолжавшееся около минуты, прекратилось. Корабль был мертв, и только тогда мое сознание с опозданием реконструировало грохот лопающихся переборок, стоны рвущегося металла, вой воздуха, кристалликами оседающего на стенах. Живые существа, которые там только что были, наверное, успели услышать лишь начало этих звуков.

На экране лежало многократно увеличенное лопнувшее черное яйцо, и потоки замерзшего белка причудливым бордюром окружали его.

– Все, – сказал кто-то.

Мы приняли сигнал бедствия и почти успели к ним на помощь. И мы увидели его гибель.

Мы спустили катер и вышли к долине. Черные точки превратились в лоскуты металла размером с волейбольную площадку, части двигателей, дюзы и куски тормозных колонн – поломанные игрушки гиганта. Казалось, что, когда корабль, растрескиваясь, вжимался в скалы, кто-то запустил лапу внутрь и выпотрошил его.

Метрах в пятидесяти от корабля мы нашли девушку. Она была в скафандре – они все, кроме капитана и вахтенных, успели надеть скафандры.

Видно, девушка оказалась вблизи люка, вырванного при ударе. Ее выбросило из корабля, как пузырек воздуха вылетает из бокала с нарзаном. То, что она осталась жива, относится к фантастическим случайностям, которые беспрестанно повторяются с тех пор, как человек впервые поднялся в воздух. Люди вываливались из самолетов с высоты в пять километров и умудрялись упасть на крутой заснеженный склон или на вершины сосен, отделываясь царапинами и синяками.

Мы принесли ее на катер, она была в шоке, и доктор Стрешний не позволил мне снять с нее шлем, хотя каждый из нас понимал, что, если мы не окажем помощи, она может умереть. Доктор был прав. Мы не знали состава чужой атмосферы, не могли предвидеть, какие безвредные для нее, но смертоносные для нас вирусы могла занести с собой эта девушка.

Теперь следует сказать, как выглядела эта девушка и почему опасения доктора показались мне, да и не только мне, преувеличенными и даже несерьезными. Мы привыкли связывать опасность с существами, неприятными нашему глазу. Еще в двадцатом веке один психолог утверждал, что может предложить надежное испытание для космонавта, уходящего к дальним планетам. Надо только спросить его, что он будет делать, если встретится с шестиметровым пауком отвратительного вида.

Ответы практически всех испытуемых были стереотипны: извлечь бластер и всадить в паука весь заряд. Паук же мог оказаться бродящим в одиночестве местным поэтом, исполняющим обязанности непременного секретаря добровольного общества защиты мелких птах и кузнечиков.

Ждать подвоха от хрупкой девушки – длинные ресницы отбрасывают тень на бледные нежные щеки, одного взгляда на ее лицо достаточно, чтобы тебя охватило необоримое желание увидеть, какого же цвета у нее глаза, – ждать от этой девушки подвоха, каких-то вирусов, было не очень по-мужски.

Этого никто вслух не сказал, но у меня появилось ощущение, что доктор Стрешний чувствовал себя мелким подлецом, чиновником, который ради буквы инструкций отказывает беспомощному посетителю.

Я не видел, как доктор дезинфицировал тончайшие щупы, чтобы ввести их сквозь ткань скафандра и набрать пробы воздуха. И не знал, каковы результаты его трудов, потому что мы снова ушли к кораблю, чтобы забраться внутрь и поискать: не остался ли кто-нибудь еще в живых. Это было бессмысленным занятием – из тех бессмысленных занятий, которые нельзя бросить, не доведя до конца.

– Плохо дело. – Мы услышали в наушниках эти слова доктора, когда пытались забраться внутрь корабля. Это было нелегко, потому что его помятая стена нависала над нами, как футбольный мяч над мухами.

– Что с ней? – спросил я.

– Она еще жива, – замялся доктор. – Но мы ничем ей не сможем помочь. Она Снегурочка.

Наш доктор склонен к поэтическим сравнениям.

– Мы привыкли, – продолжал доктор, и хотя могло показаться, будто он обращался ко мне, я знал, что говорит он в основном для тех, кто

окружает его в каюте катера, – что основой жизни служит вода. У нее – аммиак.

Значение его слов дошло до меня не сразу. До остальных тоже.

– При земном давлении, – сказал доктор, – аммиак кипит при минус тридцати трех, а замерзает при минус семидесяти восьми градусах.

Тогда все стало ясно.

А так как в наушниках было тихо, я представил, как они смотрят на девушку, ставшую для них фантомом, который может превратиться в облако пара, стоит лишь ей снять шлем…

Штурман Бауэр рассуждал вслух, не вовремя демонстрируя эрудицию:

– Теоретически предсказуемо. Атомный вес молекулы аммиака семнадцать, воды – восемнадцать. Теплоемкость у них почти одинаковая. Аммиак так же легко, как вода, теряет ион водорода. В общем, универсальный растворитель.

Я всегда завидовал людям, которым не надо лезть в справочник за сведениями, которые никогда не могут пригодиться. Почти никогда.

– Но при низких температурах аммиачные белки будут слишком стабильными, – возразил доктор, будто девушка была лишь теоретическим построением, моделью, рожденной фантазией Глеба Бауэра.

Никто ему не ответил.

Мы часа полтора пробирались по отсекам разбитого корабля, прежде чем нашли неповрежденные баллоны с аммиачной смесью. Это было куда меньшим чудом, чем то, что случилось раньше.

***

Я зашел в госпиталь, как всегда, сразу после вахты. В госпитале пахло аммиаком.

Вообще весь наш корабль им пропах. Бесполезно было бороться с его утечкой.

Доктор сухо покашливал. Он сидел перед длинным рядом колб, пробирок и баллонов.

От некоторых из них шли шланги и трубы и скрывались в переборке. Над иллюминатором чернел небольшой ячеистый круг динамика-транслятора.

– Она спит? – спросил я.

– Нет, уже спрашивала, где ты, – сообщил доктор. Голос был глухим и сварливым.

Нижнюю часть его лица прикрывал фильтр. Доктору приходилось каждый день решать несколько неразрешимых проблем, связанных с кормлением, лечением и психотерапией его пациентки, и сварливость доктора усугублялась преисполнившей его гордыней, так как мы летели уже третью неделю, а Снегурочка была здорова. Только отчаянно скучала.

Я почувствовал резь в глазах. Першило в горле. Можно было тоже придумать себе какой-нибудь фильтр, но мне казалось, что это могло быть

воспринято как брезгливость. На месте Снегурочки мне было бы неприятно, если бы ко мне приближались в противогазе.

Лицо Снегурочки, как старинный портрет в овальной раме, обозначилось в иллюминаторе.

– Страствуй, – сказала она.

Потом щелкнула транслятором, потому что исчерпала почти весь свой словарный запас. Она знала, что мне иногда хочется услышать ее голос, ее настоящий голос.

Поэтому, прежде чем включить транслятор, она говорила мне что-нибудь сама.

– Ты чем занимаешься? – спросил я. Звукоизоляция была несовершенна, и я услышал, как за перегородкой раздалось стрекотание. Ее губы шевельнулись, и транслятор ответил мне с опозданием на несколько секунд, в течение которых я любовался ее лицом и движением ее зрачков, менявших цвет, как море в ветреный, облачный день.

– Я вспоминаю, чему меня учила мама, – произнесла Снегурочка холодным равнодушным голосом транслятора. – Я никогда не думала, что мне придется самой готовить себе пищу. Я думала, что мама чудачка. А теперь пригодилось.

Снегурочка засмеялась раньше, чем транслятор успел перевести ее слова.

– Еще я учусь читать, – проговорила Снегурочка.

– Я знаю. Ты помнишь букву «ы»?

– Это очень смешная буква. Но еще смешнее буква «ф». Ты знаешь, я сломала одну книжку.

Доктор поднял голову, отворачивая лицо от струйки вонючего пара, ползущей из пробирки, и заметил:

– Мог и подумать, прежде чем давать ей книгу. При минус пятидесяти она становится хрупкой.

– Так и случилось, – подтвердила Снегурочка. Когда доктор ушел, мы со Снегурочкой просто стояли друг против друга. Если коснуться пальцами стекла, то оно на ощупь холодное. Ей оно казалось почти горячим.

У нас было минут сорок, прежде чем придет Бауэр, притащит свой диктофон и начнет мучить Снегурочку бесконечными допросами. А как у вас это? А как у вас то? А как проходит в ваших условиях такая-то реакция?

Снегурочка смешно передразнивала Бауэра и жаловалась мне: «Я же не биолог. Я могу все перепутать, а потом будет неудобно…»

Я приносил ей картинки и фотографии людей, городов и растений. Она смеялась и спрашивала о деталях, которые мне самому казались несущественными и даже ненужными. А потом вдруг перестала спрашивать и смотрела куда-то мимо меня.

– Ты что?

– Мне скучно. И страшно.

– Мы тебя доставим до дома.

– Мне страшно не поэтому.

А в тот день она спросила меня:

– У тебя есть изображение девушки?

– Какой? – спросил я.

– Которая ждет тебя дома.

– Меня никто не ждет дома.

– Неправда, – сказала Снегурочка. Она могла быть страшно категорична. Особенно если чему-нибудь не верила. Например, она не поверила в розы.

– Почему ты мне не веришь?

Снегурочка не ответила.

Облако, плывущее над морем, закрыло солнце, и волны изменили цвет – стали холодными и серыми, лишь у самого берега вода просвечивала зеленым. Снегурочка не могла скрывать своих настроений и мыслей. Когда ей было хорошо, глаза ее были синими, даже фиолетовыми. Но когда ей было грустно, они сразу словно выцветали, серели и становились зелеными, если она злилась.

Не надо было мне видеть ее глаза. Когда она открыла их впервые на борту нашего корабля, ей было больно. Глаза были черными, бездонными, и мы ничем не могли ей помочь, пока не переоборудовали лабораторный отсек. Мы спешили так, словно корабль мог в любой момент взорваться. А она молчала. И лишь через три с лишним часа мы смогли перенести ее в лабораторию и доктор, оставшийся там, помог ей снять шлем.

На следующее утро ее глаза светились прозрачным сиреневым любопытством и чуть потемнели, встретившись с моим взглядом…

Вошел улыбающийся Бауэр. Снегурочка улыбнулась ему в ответ:

– Аквариум к вашим услугам.

– Не понял, Снегурочка, – насторожился Бауэр.

– А в аквариуме подопытный слизняк.

– Лучше скажем – золотая рыбка. – Бауэра не так легко смутить.

У Снегурочки все чаще было плохое настроение. Но что делать, если ты проводишь недели в камере два на три метра. И сравнение с аквариумом было справедливым.

– Ну, я пошел? – спросил я, и Снегурочка не ответила, как обычно: «Приходи скорей».

Ее серые глаза с тоской смотрели на Глеба, словно он был зубным врачом. Я пытался анализировать свое состояние и понимал его противоестественность. С таким же успехом я мог влюбиться в портрет Марии Стюарт или статую Нефертити. А может, это была просто жалость к одинокому существу, ответственность за жизнь которого удивительным образом изменила и смягчила отношения на борту. Снегурочка внесла в нашу жизнь что-то хорошее, заставляющее всех непроизвольно прихорашиваться, быть благороднее и добрее, как перед первым свиданием.

Безнадежность моего чувства вызывала, по-моему, у окружающих одновременно жалость и зависть, хотя они, как известно, несовместимы. Иногда мне хотелось, чтобы кто-нибудь подшутил надо мной, усмехнулся

бы, чтобы я мог взорваться, нагрубить и вообще вести себя хуже других. Никто себе этого не позволял. В глазах моих товарищей я был блаженно болен.

Вечером доктор Стрешний вызвал меня по интеркому:

– Тебя Снегурочка зовет.

– Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось. Не беспокойся.

Я прибежал в госпиталь, и Снегурочка ждала меня у иллюминатора.

– Извини, – сказала она. – Но я вдруг подумала, что если умру, то не увижу тебя больше.

– Чепуха какая-то, – проворчал доктор.

Я невольно провел взглядом по циферблатам приборов.

– Посиди со мной, – попросила Снегурочка.

Доктор вскоре ушел, выдумав какой-то предлог.

– Я хочу коснуться тебя, – голос Снегурочки дрогнул. – Это несправедливо, что нельзя дотронуться до тебя и не обжечься при этом.

– Мне легче. – Я попытался улыбнуться. – Я только обморожусь.

– Мы скоро прилетим? – спросила Снегурочка.

– Да, – кивнул я. – Через четыре дня.

– Я не хочу домой. – Снегурочка опустила голову. – Потому что пока я здесь, то могу представить, что касаюсь тебя. А там тебя не будет. Положи ладонь на стекло.

Я послушался.

Снегурочка прижалась к стеклу лбом, и я вообразил, что мои пальцы проникают сквозь прозрачную массу стекла и ложатся на ее лоб.

– Ты не обморозился? – Снегурочка постаралась улыбнуться.

– Может быть, удастся найти нейтральную планету, – нерешительно начал я.

– Какую?

– Нейтральную. Посередине. Чтобы там всегда было минус сорок.

– Это слишком жарко.

– Минус сорок пять. Ты потерпишь?

– Конечно, – быстро ответила Снегурочка. – Но разве мы сможем жить, если всегда придется только терпеть?

– Я пошутил.

– Я знаю, что ты пошутил.

– Я не смогу писать тебе писем. Для них нужна специальная бумага, чтобы она не испарялась. И потом, этот запах…

– А чем пахнет вода? Она для тебя ничем не пахнет? – спросила Снегурочка.

– Ничем.

– Ты удивительно невосприимчив.

– Ну вот ты и развеселилась.

– А я бы полюбила тебя, если бы мы были с тобой одной крови?

– Не знаю. Я сначала полюбил тебя, а потом узнал, что никогда не смогу быть с тобой вместе.

– Спасибо.

***

В последний день Снегурочка была возбуждена, и хотя говорила мне, что не представляет, как расстанется с нами, со мной, мысли ее метались, не удерживались на одном, и уже потом, когда я запаковывал в лаборатории вещи, которые Снегурочка должна была взять с собой, она призналась, что больше всего боится не долететь до дома. Она была уже там и разрывалась между мной, который оставался здесь, и всем миром, который ждал ее. Рядом с нами уже полчаса летел их патрульный корабль, и транслятор на капитанском мостике непрерывно трещал, с трудом управляясь с переводом. Бауэр пришел в лабораторию и сказал, что мы спускаемся в космопорт. Он постарался прочесть записанное название. Снегурочка поправила его, словно мимоходом, и тут же спросила, хорошо ли он проверил ее скафандр.

– Сейчас проверю, – пообещал Глеб. – Чего ты боишься? Тебе же пройти всего тридцать шагов.

– И я хочу их пройти, – сказала Снегурочка, не поняв, что обидела Глеба. – Проверь еще раз, – попросила она меня.

– Хорошо, – согласился я.

Глеб пожал плечами и вышел. Через три минуты вернулся и разложил скафандр на столе. Баллоны глухо стукнулись о пластик, и Снегурочка поморщилась, словно ее ударили. Потом постучала по дверце передней камеры.

– Передай мне скафандр. Я сама проверю.

Чувство отчуждения, возникшее между нами, физически сдавливало мне виски: я знал, что мы расстаемся, но мы должны были расстаться не так.

Мы сели мягко. Снегурочка уже была в скафандре. Я думал, что она выйдет в лабораторию раньше, но она не рискнула этого сделать до тех пор, пока не услышала по интеркому голос капитана:

– Наземной команде надеть скафандры. Температура за бортом минус пятьдесят три градуса.

Люк был открыт, и те, кто хотел еще раз попрощаться со Снегурочкой, стояли там.

Пока Снегурочка говорила с доктором, я обогнал ее и вышел на площадку, к трапу.

Над этим очень чужим миром ползли низкие облака. Метрах в тридцати остановилась приземистая желтая машина, и несколько человек стояли возле нее на каменных плитах. Они были без скафандров, разумеется, – зачем дома надевать громоздкий космический костюм? Маленькая группа встречавших затерялась на бесконечном поле космодрома.

Подъехала еще одна машина, и из нее тоже вылезли люди. Я услышал, что Снегурочка подошла ко мне. Я обернулся. Остальные отступили назад, оставив нас вдвоем.

Снегурочка не смотрела на меня. Она старалась угадать, кто встречает ее. И вдруг узнала.

Она подняла руку и замахала. И от группы встречающих отделилась женщина, которая побежала по плитам к трапу. И Снегурочка бросилась вниз, к этой женщине.

А я стоял, потому что я был единственным на корабле, кто не попрощался со Снегурочкой. Кроме того, в руке у меня был большой сверток со Снегурочкиным добром. Наконец, я был включен по судовой роли в наземную команду и должен был работать внизу и сопровождать Бауэра на переговорах с космодромными властями. Мы не могли здесь долго задерживаться и через час отлетали. Женщина сказала что-то Снегурочке, та засмеялась и откинула шлем. Шлем упал и покатился по плитам.

Снегурочка провела рукой по волосам. Женщина прижалась щекой к ее щеке, а я подумал, что обеим тепло. Я смотрел на них, и они были далеко. А Снегурочка сказала что-то женщине и вдруг побежала обратно, к кораблю. Она поднималась по трапу, глядя на меня и срывая перчатки.

– Прости, – сказала она. – Я не простилась с тобой

Это был не ее голос – говорил транслятор над люком, предусмотрительно включенный кем-то из наших. Но я услышал и ее голос.

– Сними перчатку, – попросила она. – Здесь только минус пятьдесят.

Я отстегнул перчатку, и никто – ни капитан, ни доктор – не остановил меня.

Я не почувствовал холода. Ни сразу, ни потом, когда она взяла мою руку и на мгновение прижала к своему лицу. Я отдернул ладонь, но было поздно. На обожженной щеке остался багровый след моей ладони.

– Ничего. – Снегурочка попыталась улыбнуться, тряся руками, чтобы было не так больно. – Это пройдет. А если не пройдет, тем лучше.

Снизу женщина что-то кричала Снегурочке.

Снегурочка смотрела на меня, и ее темно-синие, почти черные глаза были совсем сухими…

Когда они подошли к машине, Снегурочка обернулась и взглянула на меня в последний раз.

– Зайди потом ко мне, – услышал я сзади голос доктора. – Я тебе руку смажу и перевяжу.

– Мне не больно, – ответил я, не поворачиваясь.

– Потом будет больно, – вздохнул доктор.

II. Задание. Выполните сопоставительный анализ стихотворений, предложенных ниже (120 баллов).

Фёдор Тютчев

*** * ***

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.
На самого себя покинут он –
Упра́зднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружён,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном ночном
Он узнает наследье родовое.

Между 1848 и мартом 1850

Иван Бунин

Ночь

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный час над сумраком земли.
Как письмена, мерцают в тверди синей
Плеяды, Вега, Марс и Орион.
Люблю я их теченье над пустыней
И тайный смысл их царственных имен!
Как ныне я, мирьяды глаз следили
Их древний путь. И в глубине веков
Все, для кого они во тьме светили,
Исчезли в ней, как след среди песков:
Их было много, нежных и любивших,
И девушек, и юношей, и жен,
Ночей и звезд, прозрачно-серебривших
Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!
Вот снова ночь. Над бледной сталью Понта
Юпитер озаряет небеса,

И в зеркале воды, до горизонта,
Столпом стеклянным светит полоса.
Прибрежья, где бродили тавро-скифы,
Уже не те, - лишь море в летний штиль
Все так же сыплет ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.
Но есть одно, что вечной красотою
Связует нас с отжившими. Была
Такая ж ночь - и к тихому прибою...
Со мной на берег девушка пришла.
И не забыть мне этой ночи звездной,
Когда весь мир любил и для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой, -
Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и тайного, как сон.
Люблю ее за счастие слиянья
В одной любви с любовью всех времен!

1901